

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО А. Н. РАДИЩЕВА и Н. И. НОВИКОВА

Обзор Я. Барскова

Когда хотят указать ступень, выше которой не поднималась русская литература во второй половине XVIII в., называют М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова и, на рубеже столетий, Н. М. Карамзина; указывая такую же ступень для русской общественной мысли, ставят рядом А. Н. Радищева (1749—1802) и Н. И. Новикова (1744—1818), и недаром: оба они несправедливо и жестоко наказаны были Екатериной II. Первый был сослан ею на 10 лет в Сибирь в «Илимской острог», Иркутской губернии, за 6788 верст от Петербурга; второго велела она «запереть на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость». За что? В указе от 4 сент. 1790 г. она отвечает: «Кол. сов. и ордена св. Владимира кавалер, Александр Радищев, оказался в преступлении противу присяги его должности подданного изданием книги под названием «Путешествие из Петербурга в Москву», наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвесть в народе негодование и неистовыми изречениями противу сана и власти царской; учинив, сверх того, лживый поступок прибавкою после цензуры многих листов в ту книгу, в собственной его типографии напечатанную, в чем и признался добровольно. За таковое его преступление осужден он Палатою уголовных дел Спб. губернии, а потом и Сенатом нашим, на основании государственных узаконений, к смертной казни»...

«Последуя правилу соединять правосудие с милосердием», императрица заменила смертную казнь ссылкой. В России и за границей указ произвел потрясающее впечатление. Гр. С. Р. Воронцов писал другу и начальнику Радищева, брату своему гр. Александру Романовичу, 1 (12) октября 1790 г. из Ричмонда: «Осуждение бедного Радищева причиняет мне крайнее страдание. Какой приговор и какое смягчение за опрометчивость (*étourderie*)! Что же сделают за преступление и за форменное возмущение? Десять лет Сибири хуже смерти для человека, имеющего детей, с которыми он должен разлучиться, или же он должен лишить их образования и службы. Это приводит в содрогание» («*Cela fait frémir*». «А. В.», IX, 181). Жена А. Н. Радищева, Анна Васильевна, р. Рубановская, скончалась 3 августа 1783 г., и дети росли полусиротами; старшему сыну Василию было в 1790 г. 13 лет, второму Николаю—12, дочери Екатерине шел 8-й год, младшему сыну Павлу—7-й. До какой степени расвирепела Екатерина, прочитав «Путешествие», видно из ее собственноручных замечаний на книгу, из отметок на полях и в тексте экземпляра, находившегося в Тайной экспедиции, и наконец из устных замечаний, занесенных статс-секретарем императрицы А. В. Храповицким в его дневник. Радищев ожидал смертного приговора с первых дней ареста. Друзья предупредили его, что другого выхода не было, как принести повинную и просить о помиловании. Он так и поступил. Не сделав ни малейшего намека на чье-либо соучастие в книге, он принял всю вину исключительно на себя, а мысль о детях, которые должны были остаться круглыми сиротами, и о родителях, которых потрясла бы казнь сына, заставила его взывать к «мягкосердой» монархине о пощаде. Указ считает признание Радищева «добровольным». Если бы Радищев не повинился, «кнутобоец» С. И. Шенчковский принудил бы его к этому силой и все-таки назвал бы его раскаяние добровольным, да еще привлек бы, пожалуй, заподозренных лиц—П. И. Челищева, гр. А. Р. Воронцова, кн. Е. Р. Дашкову, И. А. Крылова и др.

Бумаги по «делу» Радищева напечатаны несколько раз, но не все и не точно. Всего обстоятельнее изданы они под ред. А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и

ПУТЕШЕСТВІЕ.

изъ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

Радищева

„Чудище обло, озорно, огромно, спозѣвно,
и лаяй;“

Тисасмахида, Томъ II. Кн: XVIII. стн: 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА ПЕРВОГО СОЖЖЕННОГО ИЗДАНИЯ „ПУТЕШЕСТВІЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА
ВЪ МОСКВУ“ А. Н. РАДИЩЕВА

С экземпляра, принадлежавшего Пушкину
Публичная Библиотека, Ленинград

П. Е. Щеголева в «Полном собрании сочинений Радищева» (изд. М. И. Акинфиева, СПб., 1907, т. II, стр. 295—354) под заглавием «Процесс Радищева. Официальные материалы и свидетельства современников (из дела Государственного Архива и печатных источников)».

Редакция правильно отмечает четыре стадии в этом деле: 1) дознание полиции об авторах «Путешествия», 2) следствие С. И. Шешковского и разбор в Уголовной палате, 3) разбор в Сенате и 4) в Совете. К первой стадии относятся три записки Храповицкого, две записочки Екатерины, три письма гр. А. А. Безбородко и рапорт дежурного полковника Д. Горемыкина Шешковскому. Рапорт напечатан не с подлинника, а по статье М. И. Сухомлинова «А. Н. Радищев» («Исследования и статьи по русской литературе и просвещению», СПб., 1889, т. I, стр. 539—671).

К производству Шешковского относится большинство документов. Редакция заявляет, что берет их в «деле» Гос. Архива и помещает на первом месте копии с замечаний Екатерины; они печатались раньше в «Чтениях О. И. и Д. Р.» (1865, кн. III, стр. 67—77 и отд. стр.) и в «Архиве гр. Воронцова», кн. V, М., 1872, стр. 407—422). Повидимому она и взяла архивный текст, но воспроизвела его не точно.

Далее идут вопросы Шешковского и ответы Радищева. «Домашний палач» Екатерины знал, с чего начать, и прежде всего спросил, где жил Радищев и у которой церкви и кто у него и у всей его семьи отец духовный и когда он со своей семьей был у исповеди и святого причастия? Ценным дополнением к ответу Радищева служит документ, кратко изложенный М. И. Сухомлиновым; хотя он имеется в деле и невелик по объему, редакция предпочла сокращенный текст. Вопросные пункты и ответы напечатаны опять-таки небрежно.

Документы, относящиеся к двум последним стадиям, взяты из печатных изданий: из статьи В. Е. Якушкина «Суд над русским писателем в XVIII веке. К биографии А. Н. Радищева» («Р. С.» 1882, сентябрь, стр. 457—532) из «Сочинений имп. Екатерины II» (изд. Смирдина, СПб., 1850, т. III, стр. 393—394), из сообщения Г. К. Репинского («Р. С.» 1872, т. VI, стр. 436—438), из заметки М. И. Сухомлинова «К биографии А. Н. Радищева» («И. В.» 1889, январь, стр. 244—246), из «Сб. Р. И. О.» (СПБ., 1881, т. XXIX, стр. 468), «Арх. Гос. Сов.» (СПБ., 1869, т. I, ч. 2, стр. 737), «П. С. З.» (т. XXIII, № 16901).

В различных изданиях бумаги по делу Радищева размещаются и датируются по-разному и, как выше указано, даже при наличии автографов печатаются и перепечатываются по непроверенным копиям.

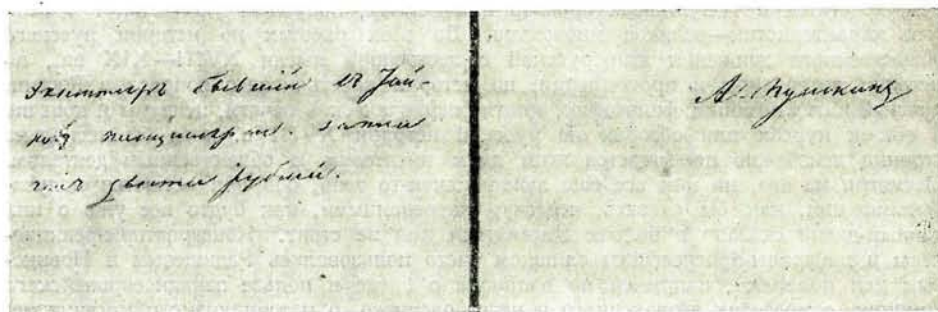
В настоящее время Всесоюзным обществом политкаторжан предпринято новое издание сочинений А. Н. Радищева; есть основание надеяться, что здесь помещены будут указанные выше бумаги в должном порядке и при полном внимании к архивным материалам.

На вопрос о Н. И. Новикове императрица ответила в рескрипте от 1 августа 1792 г.: «Рассматривая произведенные отставному поручику Николаю Новикову допросы и взятые у него бумаги, находим мы, с одной стороны, вредные замыслы сего преступника и его сообщников, духом любоначалия и корыстолюбия зараженных, с другой же, крайнюю слепоту, невежество и развращение их последователей. На сем основании составлено их общество; плутовство и оболъщение употребляемо было к распространению раскола не только в Москве и в прочих городах. Самые священные вещи служили орудием обмана. И хотя поручик Новиков не признается в том, чтобы противу правительства он и сообщники его какое злое имели намерение, но следующие обстоятельства обнаруживают их явными и вредными государственными преступниками. П е р в о е. Они делали тайные сборища, имели в оных храмы, престолы, жертвенники; ужасные совершались там клятвы с целованием креста и Евангелия, которыми обязывались и обманщики и обманутые вечною верностию и повиновением ордену золоторозового креста с тем, чтобы никому не открывать тайны ордена, и еслибы правительство стало сего требовать, то, храня оную, претерпевать мучение и казни. Узаконения о сем, писанные рукою Новикова, служат к обличению их. В т о р о е. Мимо законной, богом учрежденной власти дерзнули они подчинить себя герцогу брауншвейгскому, отдав себя в его покровительство и зависимость, потом к нему же относились с жалобами в принятом от правительства подозрении на сборище их и чинимых будто притеснениях. Т р е т ь е. Имели они тайную переписку с принцем гессенкассельским и с прусским министром Вельнером изобретенными ими шифрами и в такое еще время, когда берлинский двор оказывал нам в полной мере свое недоброхотство; из посланных туда от них трех членов двое и поныне там пребывают, подвергая общество свое заграничному управлению и нарушая чрез то долг законной присяги и верность подданства Ч е т в е р т о е. Они употребляли разные способы, хотя вообще к уловлению

в свою секту известной по их бумагам особы; в сем уловлении так, как и в помянутой переписке, Новиков сам признал себя преступником. Пятое. Издавали печатные у себя, непозволенные, развращенные и противные закону православному книги и после двух сделанных запрещений осмелились еще продавать новые, для чего и завели тайную типографию. Новиков сам признал тут свое и сообщников своих преступление. Шестое. В уставе сборищ их, писанном рукою Новикова, значатся у них храмы, епархии, епископы, миропомазание и прочие установления и обряды, вне святой нашей церкви непозволительные. Новиков утверждает, что в сборищах их оные в самом деле не существовали, а упоминаются только одною аллегорией для приобретения ордену их вящего уважения и повиновения; но сим самым доказывается коварство и обман, употребленные им с сообщниками для удобнейшего слабых умов поколебания и развращения. Впрочем, хотя Новиков и не открыл еще сокровенных своих замыслов, но вышеупомянутые обнаруженные и собственно им признанные преступления столь важны, что по силе законов тягчайшей и нещадной подвергают его казни».

«Следуя сродному ей человеколюбию», Екатерина ограничилась тем, что заточила Новикова в тот каземат, где более 20 лет томился и наконец был убит злосчастный император Иван Антонович.

Кто в большей мере пострадал от ожесточения императрицы—Радищев или Новиков, трудно сказать. Родители Н. И. Новикова давно уже покоились в могиле, жена его скончалась за год до катастрофы, но дети были еще малы: старшему

НАДПИСЬ А. ПУШКИНА НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ „ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ“
А. Н. РАДИЩЕВА

Публичная Библиотека, Ленинград

Ивану было 10, дочери Варваре—9 и Вере—5 лет. Сын и старшая дочь были так потрясены арестом отца, что навсегда остались неизлечимо больными. Н. М. Карамзин, многим обязанный в своей молодости Новикову и до отъезда своего за границу (18/V 1789) принадлежавший к числу масонов, писал 20 декабря 1818 г. имп. Александру I: «Новиков, как гражданин, полезной своей деятельностью заслуживал общественную признательность; Новиков, как теософический мечтатель, по крайней мере, не заслуживал темницы; он был жертвою подозрения извинительного, но несправедливого» («Неизд. сочин.» СПб., 1862, ч. I, стр. 225—226).

Многочисленные документы по делу Н. И. Новикова и прикосновенных к этому делу «братьев златорозового креста» (И. В. Лопухина, кн. Н. Н. Трубецкого, И. П. Тургенева), книгопродавцев (Н. Кольчугина, И. Переплетчикова, М. Глазунова, Г. Полежаева, И. Козырева, И. Луковникова, П. Вавилова, П. Заикина, В. Глазунова) и переплетчика (Н. Водопьянова) напечатаны в «Летописях русской литературы» Н. С. Тихонравова (М., 1863, т. V, отд. II, стр. 3—96), в исследовании М. Н. Лонгинова «Новиков и московские мартинисты» (М., 1867, приложения) и в его статьях, собранных в I томе «Сочинений» (М., 1915), в статье П. Пекарского «Дополнения к истории масонства в России в XVIII веке» (Сб. II отд. Ак. Н., т. VII и отдельно, СПб., 1889), в статье А. Н. Попова «Новые документы по делу Новикова» («Сб. Р. И. О.», т. II, стр. 96—158; см. его же «Дело Новикова и его товарищей». «В. Е.» 1868, кн. IV). Сюда же относятся «Подлинные реестры книгам, взятым по высочайшему повелению из палат Н. И. Новикова в Московскую духовную и светскую цензуру» («Чтения О. И. и Д. Р.», 1871, кн. III, Смесь, стр. 17—48), а также заметки и сообщения в I томе «Летописей»

Н. С. Тихонравова (отд. II, стр. 23—28), в «Р. А.» (1872, стр. 878; 1876, I, стр. 10, 14—17; 1891, I, стр. 425—429; 1895, I, стр. 480—482; 1900, I, стр. 488—490), в «Чтениях О. И. и Д. Р.» (1867, кн. IV); наконец указы в «П. С. З.» (т. XXII, №№ 16086, 16301, 16362).

Весь этот весьма обильный материал опубликован безупречно; значительная часть его хранится в подлинниках в VIII разряде б. Гос. Архива, №№ 218—219; но где в настоящее время находятся рукописи по делу Новикова, хранившиеся в Архиве Старых Дел Московского Губернского Правления, мне к сожалению не известно.

В тесной связи с «делом» Н. И. Новикова стоят его издания. В 1921 г. В. П. Семенников напечатал превосходную работу «Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и Типографической Компании». Книги описаны de visu и отнесены к двум периодам: к петербургскому, с 1766 по апрель 1779 г., №№ 1—53, и к московскому, с мая 1779 по апрель 1792 г., № 54—928; во втором периоде издания распределены по годам; в особые отделы отнесены «издания, печатанные тайно», №№ 929—944 и dubia. Этот основной список легко дополнить мелкими «листочками», преимущественно «словами» и «речами» в разные «торжественные дни», для истории литературы и книги мало имеющими значения.

Весьма ценными для выяснения издательской деятельности Новикова являются статьи В. Я. Адарюкова «Книга второй половины XVIII века» и А. И. Кондратьева «Новиковские издания» в коллективном труде под ред. В. Я. Адарюкова и А. А. Сидорова «Книга в России, ч. I. Русская книга от начала письменности до 1800 года», М., 1924.

Научных исследований, посвященных Радищеву и Новикову, имеется мало, но мелких статей и популярных брошюр или беглых, попутных упоминаний и скажтых характеристик—великое множество. Во всех работах по истории русского общественного движения или русской общественной мысли XVIII—XIX вв., по истории литературы и просвещения, по истории крестьянского вопроса в России, русской интеллигенции, философии, книги, периодической печати, цензуры и конечно в общих курсах или обзорах по русской истории XVIII в. хотя бы несколько страниц неизбежно посвящается этим двум писателям и общественным деятелям. Несмотря на это, на них все еще лежит какая-то тень, оба они остаются полубытьими или, как бы сказать, чересчур затрепанными, как будто все уже о них давным-давно сказано и больше заниматься ими не стоит. Консерваторы-реакционеры и либералы-прогрессисты слишком часто пользовались Радищевым и Новиковым для полемики, например по вопросам о вреде и пользе западноевропейского влияния, о пределах дозволенного и недозволенного, о материализме и мистицизме, о народности, даже о Москве и Петербурге как центрах истинного и ложного просвещения. Публицисты, приводя всем знакомые отрывки из сочинений обоих писателей, превратили эти цитаты в «общие места» и понизили интерес к самим авторам, подобно тому как школьная хрестоматия иногда надолго убивает в учащемся интерес к великому произведению. Самая постановка имен Радищева и Новикова рядом, привычка брать их, так сказать, за одну скобку, сделала то, что для широкого круга читателей стерлись глубочайшие различия между ними: первый является подлинным революционером, а от второго путь ведет если не к Каткову и Победоносцеву, то по крайней мере к «новым христианам»—к автору «Бесов» и К. Н. Леонтьеву. Правда, они стремились оба к одной и той же цели—положить конец тому состоянию России, в какое привел ее деспотизм Екатерины и Потемкина, но шли они путями полярно противоположными: Радищев был пророком и предтечей революции, Новиков—реакции.

Некоторое время впрочем они работали рядом и вращались в одной и той же культурной среде. То был первый «петербургский» период в деятельности старшего из них, Н. И. Новикова; тогда и Екатерина была еще непрочь от содействия освободительному движению в известных конечно «пределах». Оба писателя были лично известны императрице. Новиков служил в Измайловском полку и стоял на часах у моста перед полковыми казармами, когда А. Г. Орлов привез туда Екатерину из Петергофа. За участие в перевороте 28 июня 1762 г. Новиков, наравне с другими нижними чинами, был награжден производством в унтер-офицеры. Общее оживление русской литературы и книжного рынка в первые годы Екатерининского царствования захватило и Новикова; в 1766 г. он издал «Дух Пифагоров или нравоучения его, состоящие в Золотых стихах». В том же году им напечатаны «Две повести: Аристоневы приключения и рождение людей Промифеевых», переведенные М. И. Поповым, а также «Реестр книг, продаваемых в Большой Морской улице, в Кнутсовом доме у живущего там книгопродавца». Самые названия этих книг говорят, куда направлены были первые шаги будущего моралиста, основателя и хозяина самой крупной книгоиздательской и книгопродавческой фирмы в России

XVIII в. По вполне обоснованному предположению В. П. Семенникова («Материалы для истории русской литературы и для словаря русских писателей эпохи Екатерины II», П., 1915, стр. 74) Новиков тогда же (1766), может быть чрез какое-нибудь подставное лицо, занимался и книжной торговлей. По всей вероятности в эти годы (1762—1766) он завязал первые свои знакомства в литературных кругах столицы. Участие, по назначению императрицы, в Комиссии о сочинении нового уложения (1767) расширило эти круги; некоторые из новых знакомых стали впоследствии ревностными масонами и друзьями Новикова. Через несколько месяцев по возвращении императрицы из поездки по Волге (летом 1767 г.) возникло общество для перевода статей из «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, и в том же (1767) году вышло три книжки этих переводов. В следующем (1768) году Екатерина «изволила пожаловать ежегодно по 5 т. руб. на российские переводы хороших иноземных книг». Во главе Собрания переводчиков поставлены были: 1) директор Академии Наук гр. В. Г. Орлов, брат фаворита; 2) гр. А. П. Шувалов, находившийся в переписке с Вольтером и сам писавший хорошие французские стихи; 3) секретарь императрицы у принятия челобитен Г. В. Козицкий. Этот последний и руководил работой Собрания. В 1769 г. под его редакцией и при участии Екатерины стал выходить еженедельный журнал «Всякая Всячина». Новиков состоял тогда (повидимому до 1774 г.) переводчиком в Иностранной коллегии и не принимал участия в работах Собрания; но в 1769 г. вслед за «Всякой Всячиной» появилось семь новых журналов, и первое место среди них занял «Трутень» Н. И. Новикова. Так как императрица была недовольна полемикой между журналами и общим направлением «Трутня», Новиков протестился с читателями в XVII листе «Трутня» (27/IV 1770 г.) и, месяц спустя, при помощи подставного лица, приступил к изданию нового журнала «Пустомели» (В. П. Семенников, «Русские сатирические журналы 1769—1774 гг. Разыскания об издателях и сотрудниках», СПб., 1914, стр. 72—80). Выпустив две книжки (за июнь и за июль), Новиков прекратил издание и в течение следующего (1771) года напечатал лишь два небольших перевода, в малую осьмушку, с общей нумерацией страниц; то были «Переписка Вольтера с епископом А***» и «Поэма о нынешних делах или увещании о восприятии против турок оружия. Сочинение г. [Вольтера]». В ту пору Россия переживала двойное бедствие: надолго затянувшуюся, хотя и победоносную войну с турками (1768—1774) и чуму, которая унесла с апреля 1770 по март 1772 г. по официальному подсчету 133.086 чел. и привела к народному бунту в Москве (сентябрь 1771). Для борьбы с чумой и для следствия отправлен был из Петербурга фаворит императрицы гр. Г. Г. Орлов. Едва стихла чума и наказаны были виновные в бунте (согласно приговору 10/XI 1771, П. С. З., № 13695), как возвратился из-за границы А. Н. Радищев.

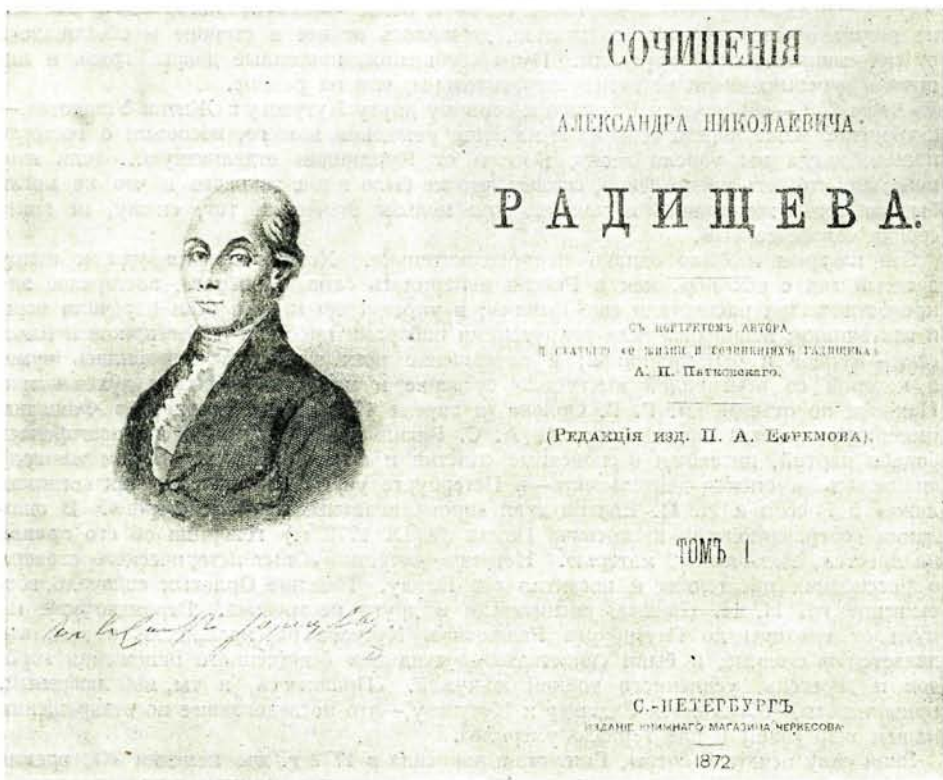
Когда Новиков был произведен в унтер-офицеры, А. Н. Радищев пожалован пажем (25/XI 1762) и в конце 1763 г. переехал из Москвы в Петербург. Здесь он стал лично известен императрице и непосредственно познакомился с жизнью двора. В корпусе он поселился вместе с А. К. Кутузовым и нашел в нем верного друга на всю жизнь; в течение 14 лет, до женитьбы Радищева, друзья жили неразлучно в одной комнате. Кутузову было впоследствии посвящено «Путешествие». В поисках популярности Екатерина уже в 1763 г. завязала сношения с французскими просветителями и пошла навстречу русским писателям. Говорили, что на малых собраниях в Эрмитаже, где императрица держала себя с гостями запросто, бывал и Новиков.

При дворе часто давались спектакли. В обязанности пажей входило составлять для них программы, с экстрактами из театральных пьес. К 1764—1765 гг. относятся два таких экстракта, найденные А. Н. Пыпиным среди бумаг Екатерины: 1) «Le philosophe marié ou le mari honteux de l'être» (автор Destouches), составленный Кутузовым и написанный (écrit) Корсаковым, 2) «Le procureur arbitre; comédie en un acte en vers par m-r Poisson», составленный Щелищевым и написанный Радищевым (Сочинения Екатерины II, СПб., 1901, т. IV, стр. 237—244).

Сгоряча, только что ознакомившись с «Путешествием» Радищева в 1790 г., императрица писала гр. А. А. Безбородко, ведавшему «тайные дела»: «По городу слух, будто Радищев и Щелищев писали и печатали в домовый типографии ту книгу («Путешествие»); исследовав, лучше узнаем». А когда в ее руки попало «Письмо к другу», напечатанное в типографии Радищева (1790), она писала (С. И. Шешковскому): «Сие сочинение такожде господина Радищева и видно из подчеркнутых [мною] мест, что давно мысль ево [Радищева] готовилась ко взятому пути, а французская революция ево решила [от] себя определить в России первым падавизателем. Я думаю, Щелищев едва ли не второй; до протчих добратся нужно; изо Франции еще пришлют вскоре паричко». Память на лица у Екатерины была острая; вероятно за четверть века перед тем императрица выделяла таких пажей, как Радищев,

Кутузов, Челищев. Эти трое проводили в корпусе свободное время иначе, чем большинство их товарищей, которых нередко наказывали за «шалости»: Кутузова и Радищева привлекала литература иностранная и русская, а в ней романы и повести на морально-философские и социальные темы, выдвинутые Руссо и руссоистами.

В 1766 г. императрица велела выбрать и отправить в Лейпциг для обучения на юридическом факультете 12 лучших пажей, в том числе Кутузова, Радищева и Челищева (23/IX 1766). Занятия, радость и горе четырех с лишком лет, проведенных в Лейпциге, Радищев описал в «Житии» старшего своего товарища Ф. В. Ушакова, бросившего служебную карьеру, присоединившегося к студентам и служившего для них непререкаемым авторитетом. «Житие» написано 18 лет спустя по

ФРОНТИСПИС И ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ РАДИЩЕВА ПОД РЕДАКЦИЕЙ П. А. ЕФРЕМОВА

Издание это было конфисковано и уничтожено; единственный известный экземпляр издания сохранился в библиотеке библиографа М. Н. Лонгинова
Институт Русской Литературы, Ленинград

смерти Ушакова в июне 1770 г.) и напечатано в 1789 г. Рукопись не сохранилась и книга осталась неизвестной императрице; на допросах о ней не было упомянуто, а между тем она служит как бы введением к «Путешествию» и вскрывает главные его источники. Там и сям рассеяны в «Житии» указания на чтение Радищева и на впечатления от лекций, университета, города и быта. Самое важное указание относится к общему увлечению всего студенческого кружка книгой Гельвеция «De l'esprit». «Мы,—пишет Радищев,—читали сию книгу, читали со вниманием, и в оной мыслить научились... В сем отношении сочинение Гельвеция не малую может всегда приносить пользу». «Всегда»—так думал Радищев в 1788 г.; впоследствии он изменил этот взгляд; но, воскрешая в памяти свои студенческие годы, он самые «сильные» строки «Жития» посвятил Гельвецию. С большим сочувствием он отзывался также о молодом и популярном профессоре Платнере, увлекавшем слушателей свежестью своих курсов и живостью изложения. Он настаивал на общении науки с жизнью, с насущными потребностями; затрагивал социальные

вопросы; подвергал критике существующие законы и общественные порядки; ука­ зывал вопиющую неправду в отношениях между бедными и богатыми» (Сухо­ млинов, I, 549).

Лейциг занимал одно из первых мест в Европе по размаху книгоиздательства и книготорговли. Интерес и любовь к книге, вынесенные Радищевым из Москвы и Петербурга, здесь увеличились и окрепли. Из писем Радищева гр. А. Р. Воро­ нову видно, что у него была солидная библиотека даже в Илимске.

Что касается экономического и социально-политического уклада 1500 светских и духовных «государств», из которых состояла Германия XVIII в., то Радищев всюду видел знакомые картины: полное засилье дворянства и гнет, тяготевающий над крестьянами и ремесленниками, которые отданы были во власть господ и хо­ зяев; «гражданство», более многочисленное и более «просвещенное», чем в России, не вступало еще в борьбу со знатью, держалось от нее в стороне и обогащалось от промышленности и торговли. Пути сообщения, постоянные дворы, грязь и ни­ щета в деревнях были не менее отвратительны, чем на родине.

«Вспомни,—обращается Радищев к верному другу Кутузову в «Житии Ушакова»,— нетерпение наше видеть себя паки на месте рождения нашего, вспомни о восторге нашем, когда мы узрели межу, Россию от Курляндии отделяющую... если кто, понимая, что есть иступление, скажет, что не было в нас такого и что не могли бы мы тогда жертвовать и жизнью для пользы отечества, тот, скажу, не знает сердца человеческого».

Это настроение было однако непродолжительно. Хотя подходил уже к концу десятый год с тех пор, как в России воцарилась сама «Минерва», застарелое, зло крепостничества расцвело еще пышнее; в управлении и суде всем воровали воры и взяточники; война разоряла рекрутскими наборами крестьян и помещиков и нало­ гами—купцов и ремесленников; в довершение всех этих зол разразилась чума, в которой со всей силой выступило суеверие и народной массы, и духовенства. Наконец по отъезде кн. Г. Г. Орлова (в апреле 1772 г.) на конгресс в Фокшаны императрица взяла нового фаворита А. С. Васильчикова, и при дворе разгорелась борьба партий, питавшая бесконечные сплетни и слухи в городе. В том же году оживилась масонская деятельность—в Петербурге учреждена была первая «великая ложа» в России и И. П. Елагин стал «провинциальным гроссмейстером». В ожи­ дании совершеннолетия цесаревича Павла (20/IX 1772 г.) говорили об его правах на престол, захваченный матерью. Новиков выпустил «Опыт исторического словаря о российских писателях» и посвятил его Павлу. Падение Орловых означало воз­ вышение гр. Н. И. Панина, воспитателя и друга цесаревича. Вероятно уже на пути от границы до Петербурга Радищев и Кутузов расспрашивали о том, что делается в столице, и были свидетелями-очевидцами бедственного положения горо­ дов и деревень, усиленного войной и чумой. «Признаюсь, и ты, мой любезный, признаешься,—обращается Радищев к Кутузову,—что последовавшее по возвращении нашем жар [наш] в нас гораздо умерило».

Зная силу печати и сцены, Екатерина написала в 1772 г. две комедии «О, время» и «Именины г-жи Ворчалкиной», в которых обрушилась на ханжество, ростовщи­ чество и вертопрашество. Новиков подхватил эти темы и 12 апреля 1772 г. выпу­ стил первую книжку своего лучшего журнала «Живописец» с обращением к «неиз­ вестному» автору комедии «О, время» и с просьбой принять в нем участие. Импера­ трица не отвергла этой просьбы и прислала сочувственную заметку о вновь возникшем «Обществе, старающемся о напечатании книг» (в 18 листе второй части «Живописца»). Новиков, со своей стороны, поднял вопрос о распространении уже напечатанных книг, особенно в провинциальной глуши, о чем «уже не государю, а частным людям помышлять надобно» («Живописец», изд. П. А. Ефремова, стр. 260—265).

Ближайшим сотрудником Новикова в этом предприятии был книгопродавец Миллер—у него продавались издания Общества и принималась подписка на журналы Новикова. Других сотрудников, по мнению В. П. Семенникова, следует искать среди авторов и переводчиков книг, которые изданы Обществом; в числе их, надо полагать, был и Радищев. Дело подвигалось туго, и в 1774 г. Общество распалось; но в 1772 Новиков был полон надежд на успех книгоиздательства и книготорговли, тем более, что его ободряла сама императрица.

В пятом листе «Живописца» он напечатал «Отрывок путешествия в ***», за под­ писью И*** Т***, с заметкой: «Есть ли бы это было в то время, когда умы и сердца заражены были французскою нациею [при имп. Елизавете], то не осмелился бы я читателя моего поподчивать с етого блюда, потому что оно приготовлено очень солоно и для нежных вкусов благородных невежд горьковато. Но ныне [1772] премуд­ рость, сидящая на престоле, истинну покровительствует во всех деяниях».

Н. И. НОВИКОВ

Портрет, гравированный Коском с оригинала Н. Черепанова; приложен к первому тому рукописной „Герметической библиотеки“ (1806 г.)

Публичная Библиотека, Ленинград

Блюдо действительно было горьковато, но не для одних невежд, зараженных галломаниею, а для всего благородного российского дворянства. Автор «Отрывка» поставил ребром жгучий вопрос о крепостном праве и с необычайной силой описал деревню Разоренную всего на семи с небольшим страничках, обещая, что продолжение будет впредь. В 13-м листе в стайке «Англинская прогулка» помещен был ответ (Н. И. Новикова) на вопрос, почему не появлялось это продолжение, а в 14-м напечатано еще пять страничек «Отрывка» с указанием автора, что он отправился в дальнейший путь, «горя нетерпеливостью увидеть жителей Благополучные деревни». И на этот раз потребовалось замечание под строкой, что «путешественник имел справедливые причины обвинять помещика Разоренной деревни, и подобных ему».

Читатели «Живописца» не увидели описания деревни Благополучной. Зато в литературе о Новикове и Радищеве все еще не закончен спор об авторе «Отрывка». В. П. Семенников посвятил ему специальное исследование («Радищев. Очерки и исследования. Приложение 1-е. К истории создания «Путешествия из Петербурга в Москву». М.-П., 1923, стр. 319—364). Следует с ним согласиться и признать автором «Отрывка» Радищева. Главное возражение, что Радищев не мог вскоре по приезде написать «Отрывок», не убедительно; для немногих страничек, которые он занимает, достаточно было, как говорится, одного присеста за письменный стол, тем более, что, возвращаясь в столицу, Радищев, по его собственному признанию, находился «в иступлении» и «жар» его остыл не сразу. Именно горячий тон «Отрывка» и должен был подкупить Новикова. Он опасался, как бы не раздражить «гусей», сделал для них оговорки и все-таки напечатал «Отрывок».

В следующем (1773) году он издал перевод Радищева—«Размышления о греческой истории» Мабли, с чрезвычайно смелым по тому времени примечанием переводчика: «Самодержавство (у Мабли despotisme) есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. Мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти, но ниже закон, извет общие воли, не имеет другого права наказывать преступников oprich права собственные сохранности. Если мы живем под властью законов, то сие не для того, что мы оное делать долженствуем неотменно, но для того, что мы находим в этом выгоды. Если мы уделяем закону часть наших прав и наша природные власти, то дабы она употребляема была в нашу пользу: о сем мы делаем с обществом безмолвный договор. Если он нарушен, то и мы освобождаемся от нашей обязанности. Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. Государь есть первый гражданин народного общества» (подчеркнуто в первом изд.).

Мабли утверждал, что непосредственное народовластие вреднее господства немногих или даже одного, ибо тогда нет границ произволу; он требует представительства, монарх, по его мнению,—первый гражданин в обществе и только; как скоро законодательная власть предоставлена монарху или аристократии, она неизбежно

превращается в орудие личных страстей и частных выгод правителей. На Мабли сказалось влияние английской морально-философской литературы. Радищев делал прямые выводы из теории Руссо, изложенной в «Общественном договоре». Не ограничиваясь приведенным примечанием, он вносит поправку там, где Мабли касается учреждения должности эфоров в Спарте; приводит разговор Александра Македонского с Парменионом по первоисточнику, исправляя таким образом пересказ Мабли; делает точные ссылки на «Дух законов» Монтескье; словом, не ограничивается механической передачей текста Мабли.

Прочел ли издатель книгу Мабли и примечания Радищева? Едва ли. Повидимому не знала об них и Екатерина, а между тем в примечании о самодержавии (1773 г.) кратко выражены взгляды, развитые в «Путешествии», за которое она позднее утратила Радищева в Илимск.

В том же 1773 г. напечатан перевод Радищева (с немецкого) «Офицерские упражнения» с пометой: «Иждивением Общества, старающегося о напечатании книг». Кому эти «Упражнения» понадобились—трудно сказать. Радищев перешел тогда из Сената, где со времени приезда состоялся протоколистом, на должность обер-аудитора в штате генерал-аншефа гр. Я. А. Брюса. Вероятно перевод был заказан начальством, или же Общество переводчиков надеялось на скорый сбыт книги в виду военного времени. В продажу она поступила лишь в 1777 г. с перепечатанным заглавным листом (В. П. Семенников, «Книгоиздательская деятельность», стр. 16, № 49).

Новиков обратился в то время к русской истории и русским древностям, в частности к родословным наиболее знатных домов. В 1773 г. он издал I том «Древней российской вивлиофики» и «Древнюю российскую гидрографию». На «Вивлиофику» подписались Радищев и его товарищ по Лейпцигскому университету А. К. Рубановский. У брата этого последнего, камер-фурьера В. К. Рубановского, было две дочери—Анна и Елизавета Васильевны. Первая из них в 1775 г. стала женою А. Н. Радищева. Свадьбу праздновали в Москве, где двор оставался почти весь год, празднуя годовщину заключения мира с турками (10/VIII 1774 г.) и подавление пугачевщины, а может быть и тайный брак Екатерины с Потемкиным.

В 1773 г. приняты в члены ложи Урании (учр. 31/I, откр. 16/III) товарищи Радищева по корпусу и Лейпцигскому университету—П. Н. Янов и Я. Ф. Дубянский; ее посещали также П. И. Челищев, А. К. Рубановский и А. Н. Радищев; все они были переводчиками в «Обществе» вместе с М. И. Поповым, В. И. Майковым и А. М. Кутузовым (впоследствии «братом» златорозового креста). Мастером ступа в Урании был В. И. Лукин, автор комедии «Мот, любовию исправленный»; ложа сначала и помещалась в его доме; но когда Лукин его продал, взято было новое помещение на Мойке, против Галерного двора; здесь заведены были, как в клубах, карты, биллиард, ужины. В 1774 г. число членов ложи достигало 55. Радищев вел в это время несколько рассеянную жизнь, состоял членом Английского клуба, посещал дом Брюса, где бывало много гостей и где царила его жена, гр. Прасковья Александровна, которую императрица считала своим лучшим другом; он бывал у знакомых Брюса на балах и маскарадах и всюду пользовался успехом благодаря своей внешности, уму и образованию. Может быть отчасти эта рассеянная жизнь отвлекла его на время от работы в журналах и от переводов. Впрочем в конце июня 1773 г. Новиков прекратил издание «Живописца», а в 1774 г. распалось Общество переводчиков. Да и время было чересчур беспокойное: вся страна была встревожена пугачевщиной; едва вернулись к власти Орловы, как появился самый влиятельный из всех фаворитов, типичный временщик и деспот—Г. А. Потемкин.

В июле 1774 г. Новиков сделал попытку издавать новый журнал «Кошелек». Посвящая его отечеству, Новиков писал: «Две причины побудили меня издавать в свет сие слабое творение и посвятить оное Отечеству моему, первая, что я, будучи рожден и воспитан в недрах Отечества, обязан оному за сие служить посильными своими трудами и любить оное, как я и люблю его по врожденному чувству и почтению к древним великим добродетелям, украшавшим наших праотцев и кои некоторых из наших соотечественников еще и ныне осиявают... Далее он осуждает тех, кто думает, что «Россиянин должен заимствовать у иностранных все даже и до характера... К тому же, замечает он, «ныне развращение во нравах учителей наших [французов] столь велико, что они и изъяснение некоторых добродетелей совсем потеряли и столь далеко умствованиями своими заходят, что во аде свой рай найти уповают».

Вероятно не без удивления читал эти строки Радищев, припоминая, что всего лишь за год перед тем Новиков издал книгу Мабли, а в 1772 г. положил основание «Живописцу» и поместил в нем описание деревни Разоренной. В эти три-четыре года (1772—1775) под влиянием войны, чумы и пугачевщины произошел

заметный сдвиг и в обществе, и в правительстве. От сатирических журналов Новиков перешел к «Утреннему Свету» (1777—1781), который распространяли архиереи по своим епархиям, и к устройству училищ для подготовки будущих пастырей церкви; если бы честность Новикова не была вне сомнения, то можно было бы подумать, что он угождал новому фавориту, зная его связи с духовенством; о Дидро, приезжавшем в 1773 г. в Петербург отблагодарить императрицу за оказанные ему милости, Новиков отзывался, как об «умном» французе, но добавлял, что «ему, как неверующему, верить нельзя»; от ложи Урании группой в 9 человек, в том числе и Новиковым, 30 мая 1775 г. основана была ложа Астреи, где мастером стула был Я. Ф. Дубянский; в нее через несколько дней был принят Новиков на исключительных условиях: не давать никакой присяги, получить прямо степень мастера и сохранить право выхода, если встретится что-либо противное его совести. Новиков искал «истинного» масонства, а первым признаком истинности считал отказ от политических целей. Его привлекало мистическое учение Сен-Мартена, изложенное в трактате «О заблуждении и истине» («Des erreurs et de la verité», à Edimbourg [Lyon] 1775) и получившее у нас название мартинизма. В действительности именно Сен-Мартен развивал, кроме мистических идей, политические, но прямо противоположные идеям Руссо, Мабли и других «просветителей». С этого времени пути Радищева и Новикова разошлись, хотя у того и другого не было недостатка в общих врагах.

С 1773 г. Радищев не выступал в печати в течение 15 лет. Это не значит, что он утратил интерес к литературе, науке, чтению и работе с пером в руках. Напротив, в повинной и в показаниях он настойчиво выдвигал свое желание «прослыть хорошим писателем» как одну из основных причин появления его «злосчастной книги». «До женитьбы моей,—говорит он в письме Шешковскому,—я более упражнялся в чтении книг, до словесных наук касающихся; много также читал и книг церковных, следуя совету Ломоносова... дабы в состоянии быть управлять пером. Родясь с чувствительным сердцем, опыты моего письма обращались всегда на нежные предметы, но все было с неудачей. Когда же я женился, то все любовное вранье оставил и наслаждался действительным блаженством, не занимаясь ничем более, как домашними делами».

О П Ы Т Ъ
ИСТОРИЧЕСКАГО
С Л О В А Р Я
О РОССІЙСКИХЪ
ПИСАТЕЛЯХЪ.

Изъ разныхъ печатиныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ известій, и словесныхъ преданій

Собралъ

Николай Новиковъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1772 ГОДА.

ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА „ОПЫТА ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ О РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЯХ“
Н. И. НОВИКОВА (1772 г.)

Публичная Библиотека им. Ленина, Москва

Напрасно ссылаются на эти строки, чтобы отвергнуть принадлежность «Отрывка» о деревне Разоренной Радищеву: он благоразумно умолчал о переводе Мабли, об участии в Обществе переводчиков, о своих связях с литературными кругами, о чтении книг не только церковных и до словесных наук касающихся... Свои стихи на «нежные предметы» он может быть в праве был считать «неудачными» или «любовным враньем», но его крупный поэтический талант высоко ценил такой судья, как Пушкин.

Служба в Коммерц-коллегии с 1777 г. и в таможене с 1780 г., по словам Радищева, побуждала его читать сочинения по специальности, а также по общей истории и путешествия. В 1780 г. он начал писать «Слово о Ломоносове», помещенное в конце «Путешествия» взамен главы, сохранившейся в рукописи (не полностью).

Тогда же он приступил к чтению много томного труда Рейналя «История обеих Индий» (Raynal, «Histoire philosophique et politique des Établissements et du Commerce des Européens dans les deux Indes»).

Первое издание «Истории» вышло в 1770 г.; значительно расширенное, которым пользовался Радищев — в 1780 г. (в Женеве, т. I—X); в нем участвовало до двадцати писателей — Гольбах, Нэжон, Гиберт, Пешмежа, Левек, Томас, Дюбюк, Дюбрель и др. Рейналь приводил в порядок пестрый материал и делал свои вставки в поднятом стиле (*le style aprouvé*). Для большего успеха «Истории» он сам добивался ее преследования и даже своего изгнания из Парижа. С этой целью он внес в свой труд множество тирад, в которых громит современников, обличает пороки общества, поучает королей, правительство, народы. Издание было арестовано и сожжено рукой палача; но это не помешало, а помогло Рейналю в короткий срок выпустить 20 изданий; сверх того вышло до 50 подделок.

Работа над новым тарифом (1781—1782) оторвала Радищева от интересного чтения. Однако в 1782 г. он написал главу «Путешествия» «Подберезье» (1790, стр. 86—98) и может быть «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске» (об открытии памятника Петру I), напечатанное в 1790 г. Смерть жены (3/VIII 1783 г.) причинила ему тяжкую скорбь. Он написал эпитафию, но ее сочли безбожной, и памятник с этой надписью он поставил у себя в саду. «Печаль и уныние, — говорит Радищев в письме Шешковскому, — на время отвлекли мой разум от всякого упражнения». Лишь в 1785 г. он кончил чтение Рейналя и стал писать повесть о проданных с публичного торга (главу «Медное», 1790, стр. 341—349). «В следующие годы (так в автографе, а не «в следующий год»), читая Гердера, я начал писать о цензуре (говорит Радищев там же, т. е. главу «Торжок», 1790, стр. 289—340), начал повесть Систербецкую (гл. «Чудово», 1790, стр. 21—40), но все не было dokonчено». В 1788 г. он окончил «Слово о Ломоносове» и всю книгу. «А как случилось мне читать, — рассказывает он (там же), — перевод немецкий Иорикова путешествия (Стерн, «Сентиментальное путешествие» — Sterne, L., «A Sentimental Journey through France and Italy», L., 1768), — то и мне на мысль пришло ему последовать. И так могу сказать по истине, что слог Реналева, вода меня из путаницы в путаницу, довел до совершения моей безумной книги... Отсюда как будто следует, что «форму» или построение книги Радищев взял у Стерна, а «стиль» или выпады против власть имущих — у Рейналя. В «повинной» он признается: «Первая мысль написать книгу в сей форме пришла, читая путешествие Иорика. Я так ее и начал. Продолжая ее, на мысль мне пришли многие случаи... Я вознамерился их поместить в книгу сию».

Когда же начал Радищев свою книгу: читая Рейналя или Стерна? Надобно полагать, ни в том, ни в другом случае: он хотел и в «повинной», и в письме Шешковскому объяснить, у кого он взял форму и стиль, а начал он различные части «Путешествия» очевидно в разное время. В. П. Семенников («Радищев», стр. 361—362) уже обратил внимание на то, что немецкий перевод Стерна напечатан в Гамбурге в 1768—1769 гг. и в Брауншвейге в 1769 г. когда Радищев был еще за границей. Путешествия и письма были в XVIII в. излюбленными формами не только для беллетристических произведений, но и для рассуждений на темы морально-философские и социально-политические. Наконец поездка самого Радищева за границу и обратно была весьма продолжительным путешествием. Вопрос о том, когда именно и под чьим влиянием задумал Радищев свой труд, останется открытым, пока не найдутся новые документальные данные.

Автографы художественных произведений Радищева не сохранились. Рукопись «Путешествия» в деле б. Гос. Архива, дозволенная к печати Н. И. Рылевым, переписана чужою рукою и многие листы в ней утрачены; кое-где имеются авторские пометы, поправки и вставки. Обзор ее, не совсем полный и точный, дан П. Е. Щеголевым в издании «Путешествия» 1905 г. (стр. XXI—XL и 255—283). В настоящее время изд-во «Academia» выпускает под ред. В. И. Невского комментированный мною текст «Путешествия»; сюда войдет детальный обзор рукописи.

ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСНОЙ «ГЕРМЕТИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ» Н. И. НОВИКОВА и И. С. ГАМАЛЕИ (1806 г.)

Публичная Библиотека, Ленинград

Большой интерес представляют списки «Путешествия»; общее число мне известных списков достигает 25; главное место среди них занимает список, хранящийся в Ленинграде в Институте Новой Русской Литературы; он широко использован В. П. Семенниковым. Список сделан еще при жизни А. Н. Радищева на бумаге с водяными знаками 1794 и 1796 гг. и с надписью, что владелец получил его в подарок от своей приятельницы в 1800 г. в Бессарабии. Впоследствии (9/II 1856 г.) он был куплен М. Н. Лонгиновым в Москве у книгопродавца Зайцевского. Главное его достоинство заключается в том, что в него входит полный текст оды «Вольность», помещенной в первом издании «Путешествия» с большими купюрами; здесь же находится и незаконченное «песнословие» — «Творение мира», опубликованное В. П. Семенниковым вместе с полным текстом оды (М.-П., 1922, «Новый текст «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева»). Мною отмечено свыше 1500 вариантов этого драгоценного списка. Многие из них являются перестановками, которые часто делаются писцами, плохо понимающими текст; кое-какие слова пропущены, иные может быть вставлены писцом взамен стоявших в оригинале; но нет сомнения, что у него перед глазами был особенный оригинал, близкий и к печатному, и к первоначальному тексту, известному по рукописи, дозволенной Рылевым к печати.

Третье по научному интересу место занимает список, принадлежавший М. Н. Аучину и описанный его братом Д. Н. Аучиным («Судьба первого издания «Путешествия» Радищева», М., 1918). Одна из главных его особенностей — двойное заглавие: «Проницающий гражданин или Путешествие из С.-Петербурга в Москву». И в нем есть вставки, соответствующие разночтениям «цензурной» рукописи. Два списка с таким же двойным заглавием хранятся в Рукописном отделении Публичной Библиотеки в Ленинграде; но ценных вариантов, сравнительно с текстом первого издания, в них нет. Остальные списки воспроизводят более или менее тщательно первое издание и относятся преимущественно к первой половине XIX века.

В Историческом Музее в Москве хранятся в копиях на бумаге с водяными знаками 1806 г. «Записки путешествия А. Н. Радищева в Сибирь» (1790) и, без особого заглавия, при возвращении из Сибири (1797). Они напечатаны впервые В. В. Каллашем в «Известиях Отд. русского языка и словесности Академии Наук» (1906, кн. IV, стр. 379 и след.) и перепечатаны в издании Акинфиева (II, стр. 355—393).

В значительном количестве сохранились деловые бумаги А. Н. Радищева, его работы по службе в таможене (1780—1790) и в Комиссии составления законов (1801—1802). Они не только не изучены, но не все еще собраны и опубликованы. Изучая архив Воронцовых, хранящийся в Археографическом Институте Академии Наук, И. М. Троицкий в текущем году открыл несколько таких бумаг, доселе вовсе неизвестных исследователям. Главные из этих работ изучены В. П. Семенниковым («Радищев», стр. 112—195 и 365—396).

Большая часть переписки Радищева опубликована П. И. Бартевым в «Архиве Воронцовых» (тт. V и VII), но не вполне исправно и с купюрами.

Весь этот рукописный материал войдет в собрание сочинений А. Н. Радищева, издаваемое Всесоюзным обществом политкаторжан.

Рукописи сочинений Радищева, хотя и не в большом числе, все-таки сохранились; автографы сочинений Новикова, за исключением писем, не уцелели. Полное по возможности собрание писем выпускает под ред. В. И. Невского изд-во «Academia». В это издание войдут как ранее опубликованные письма, так и вновь найденные. Это — письма К. В. Баженову (1—1802), гр. А. А. Безбородко (1—1786), П. П. Бекетову (1—1802), А. Т. Болотову (6—1780—1815), Я. И. Булгакову (5—1779—1780), Василию Васильевичу [?] (1—1806), Г. Р. Державину (1—1786), Н. М. Крамзину (2—1816), Ф. П. Ключареву (17—1802—1817), Г. В. Козицкому (7—1773—1775), А. Ф. Лабзину (18—1797—1816), Ф. И. Ладьянскому (1—1818), А. А. Ленивцеву и С. И. Плещеву (1—1801), М. Я. Мудрову (1—1813), А. А. Николеву (1—1817), М. В. Перваго (2—1817), А. А. Ржевскому (6—1783), Д. П. Руничу (44—1806—1817), М. П. Рябову (4—1804—1807), М. И. Рябовой (2—1817), А. Л. Сафонову (1—1813), Н. Л. Сафонову (7—1788—1810), Н. П. Сафонову (1—1816), П. Л. Сафонову (5—1810—1818), И. В. Страхову (1—1774), кн. Н. Н. Трубецкому (2—1816), А. И. Тургеневу (1—1816), И. П. Тургеневу (2—1788), X. А. Чеботареву (6—1813—1815), бар. Г. Я. Шредеру (3—1784—1785), всего 151; из них печатаются впервые 51 (36 найдены Н. П. Киселевым, 9 — мною и 6 — Б. Л. Модзалевским). Большая часть из них относится к 1797—1818 гг., когда Новиков был освобожден из Шлиссельбургского каземата и жил в своем родовом селе Авдотьино-Тихвинском. В целом это — автобиография или исповедь, освещающая весь жизненный путь Новикова и, главное, его мировоззрение не только после, но и до катастрофы 1792 г.

Весьма поучительна судьба печатных изданий «Путешествия» и вместе с ним других сочинений Радищева.

Согласно показанию автора, «Путешествие» напечатано в количестве 650 экземпляров; из них разосланы: Козодавлеву два (в том числе один для Державина), Дарагану, Олсуфьеву, Вицману, Вальцу (для Кутузова в Берлине) и Царевскому по одному, да купцу Зотову продано 25; остальные с черновиками и макулатурой он велел сжечь. Зотов, путаясь в показаниях, утверждал, что он получил 76 экземпляров и быстро их распродал: книга пошла ходко. «За то, чтобы иметь ее для прочтения тайком на один час,—говорит Массон (Masson, «Mémoires secrets sur la Russie». P., 1800, II, p. 200),—купцы платили по 25 р.»

По приговору Уголовной палаты полиция должна была розданные и проданные экземпляры отобрать и затем немедленно сжечь. Возвратили свои книги Козодавлев, Державин, Олсуфьев, Вальц и кн. Трубецкой; И. И. Шувалов заявил, что свою книгу, полученную от Хитрово, истребил; Дараган отдал свой экземпляр Царевскому, а тот передал его вместе со своим квартальному Богдановичу и купцу Овчинникову; у них книги были отобраны. Ясно, что в публику проникло никак не более сотни экземпляров, если верить Зотову, и не более 32, если верить Радищеву, с которым согласился после очной ставки и Зотов. Из этих 32 экземпляров по крайней мере 6 были отобраны. Следует принять цифру Радищева не только потому, что он заслуживает большего доверия, нежели Зотов: 1) в настоящее время известно лишь 16 экземпляров «Путешествия», а между тем цена на лучшие из них достигала 500 р. и более; 2) это все одни и те же экземпляры, менявшие своих владельцев; 3) число рукописных копий (25) превышает количество сохранившихся экземпляров; 4) наконец с выходом новых изданий появились на рынке не книги, а рукописные копии.

Никто еще не встречал корректурный экземпляр, отобранный у Царевского и представленный в Уголовную палату: в нем были поправки рукой автора и «многие

письменные приписки». Не послужил ли этот экземпляр основой для списка, исполненного в Бессарабии в 1800 году?

Среди уцелевших книг первое место занимает экземпляр, находившийся в Тайной экспедиции, купленный А. С. Пушкиным и хранящийся ныне в Публичной Библиотеке в Ленинграде. В нем отчеркнуты на полях и подчеркнуты в тексте строки, инкриминированные императрицей. За ним следуют экземпляры Всесоюзной Библиотеки имени Ленина и Исторического Музея в Москве: они превосходной сохранности и заключены в великолепные переплеты. Экземпляр еще лучшей сохранности, по свидетельству П. П. Шибанова, принадлежит Публ. Б-ке в Одессе.

Несравненно реже, чем «Путешествие», встречаются «Житие Ф. В. Ушакова» (лучший экземпляр в Историческом Музее в Москве) и «Письмо к другу» (наиболее ценный экземпляр в «деле» Радищева—на нем имеются отметки Екатерины). Плохо и в ничтожном количестве сохранились «Размышления» Мабли и «Офицерские упражнения». Другие произведения Радищева при жизни отдельно не издавались.

Через три года по смерти Радищева издатель журнала «Северный Вестник» перепечатал из «Путешествия» главу «Клин» без имени автора и даже с пропуском слов «Клин» и «клинской» (СПБ., 1805, ч. V, стр. 61—67). В следующем (1806) году наследники Радищева предприняли издание его сочинений в 6 частях, законченное печатанием через 5 лет (1811), перед московским пожаром (1812), в котором (за исключением небольшого числа экземпляров) оно и погибло. Издатели заявляли: «Вот все, что осталось из сочинений человека, известного уже публике; надеемся, издавая их в свет, принести ей удовольствие. Жаль, что многие другие творения как важные, так и забавные пропали. Мы бы почли себе преступлением, имея оставшиеся г. Радищева бумаги в руках своих, предать их забвению и не издать их в свет».

Читатель напрасно стал бы искать в этом издании «Путешествие». Нет здесь ни писем, ни деловых бумаг, ни работ по законодательству. Книгопродавец Сопиков

РИСУНОК ИЗ ТРАКТАТА ПО АСТРОНОМИИ
„ВОСХОДЯЩАЯ ДЕННИЦА“, ПОМЕЩЕННОГО
В ШЕСТОМ ТОМЕ „ГЕРМЕТИЧЕСКОЙ БИБ-
ЛИОТЕКИ“

Публичная Библиотека, Ленинград

внес было в 1816 г. в свой «Опыт российской библиографии» (ч. IV, стр. 249) посвящение А. М. Кутузову, но и то заставили вырезать—стр. 250-я осталась чистой; экземпляры, в которых она уцелела, представляют собой исключительную библиографическую редкость.

А. С. Пушкин, задумав (в 1836 г.) издавать «Современник», предполагал поместить в нем свою статью «Александр Радищев». Переписка о ней дошла до министра народного просвещения, гр. С. С. Уварова: тот нашел «совершенно излишним возобновлять память о писателе и книге, совершенно забытых и достойных забвения». Небольшой отрывок из «Путешествия» Пушкин включил в свою статью «Мысли на дороге». И она не сразу появилась в печати. Из-за этих двух статей возник большой и все еще не законченный спор об отношении Пушкина к Радищеву. Он изложен в примечаниях к IX тому академического издания сочинений Пушкина под ред. Н. К. Козмина (Л., 1929, стр. 538—578; 715—759).

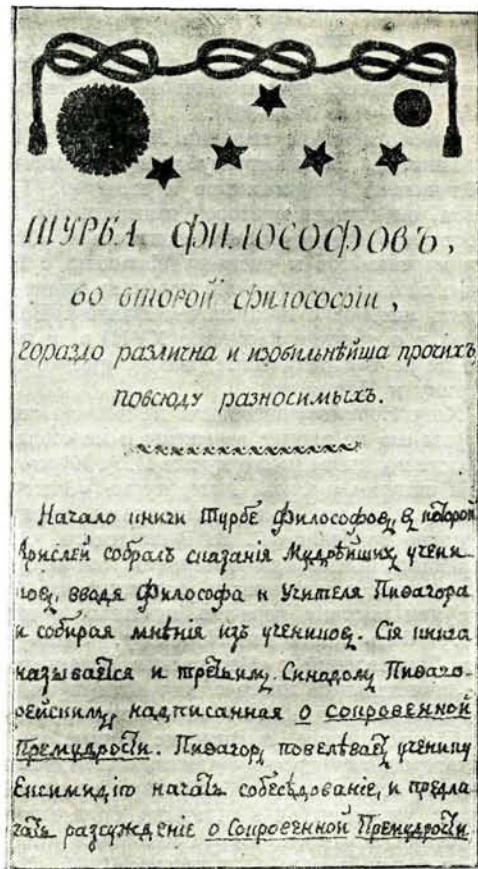
В 1858 г. А. И. Герцен напечатал в Лондоне полный текст «Путешествия» (вместе с сочинением кн. М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России») не по оригиналу 1790 г., а по довольно-таки плохой копии. Это издание было впоследствии перепечатано в Лейпциге (Каспровичем, в XVII выпуске «Международной библиотеки» 1876), и у нас (СПБ., 1906) В. Врублевским и в приложении к журналу «Всемирный Вестник».

До 1905 г. было несколько попыток «воскресить» Радищева, но все они кончались плачевно: в 1858—1859 гг. редактору журнала «Иллюстрация» Зотову отказано было в разрешении поместить портрет Радищева, вид Илимска и вид дома Радищева в Илимске с небольшой биографической заметкой; в 1860—1861 гг. отказано было П. А. Радищеву в его просьбе о разрешении перепечатать «Путешествие» хотя бы частично, при чем остальные сочинения его отца (в 6 частях, изд. 1806—1811 гг.) были подвергнуты в цензуре «рассмотрению», и 9 февраля 1861 г. решено было не допускать к печати ни одного из них; вскоре после этого (17/III 1861 г.) снова поднялось дело о рисунках и кончилось (1/IV 1861 г.) тем, что издатель предложено было переменить редактора. П. А. Радищев возобновил свое ходатайство в 1865 г. и снова получил отказ, а через два года началось дело об издании «Путешествия» книгопродавцем Н. А. Шигиным. Оказалось, что издатель так обкарнал «Путешествие», что и сама цензура не исключила бы того, что он выбросил; издание было разрешено, но печать дружно заклэймила издателя в своих отъездах как игрока на запретном имени. Однако эпизод этот заставил цензуру опасаться, как бы другие издатели не вздумали печатать «Путешествие» уже без тех сокращений, на какие пустился Шигин (закон 6/IV 1865 г. разрешал печатать сочинение не свыше 10 листов без предварительной цензуры). Запрещение, тяготевшее над «Путешествием» с 4 сентября 1790 г., было снято указом 30 марта 1868 г.; сочинения Радищева подлежали с тех пор общему уставу наравне со всеми остальными. В виду этого П. А. Ефремов решился напечатать в двух томах все сочинения Радищева, включая «Путешествие». Издание было арестовано 27 апреля 1872 г. и уничтожено 11 июня 1873 г. в количестве 1960 экземпляров на фабрике Крылова «посредством обращения в массу» (а не сожжено, как иногда пишут); остальные 25 экземпляров были доставлены в Главное управление по делам печати (20/IV и 11/VI 1872 г.); уцелело, по слухам, не более 15 экземпляров, и сам Ефремов добывал их окольным путем («Памяти П. А. Ефремова», стр. 16).

В 1888 г. А. С. Суворин исходатайствовал разрешение напечатать 100 экземпляров «Путешествия» по высокой цене, при чем вся выручка от продажи должна была пойти на устройство Радищевского музея в Саратове. Хотя Суворин и хвастался, что его типография воспроизвела «Путешествие» буква в букву, даже с печатками, это неверно; новых опечаток мало, но они имеются. Курьезно, что на 1 и 5 страницах А. Н. Радищев переименован в А. И. Радищева.

Через 7 лет С. А. Венгеров перепечатал в V выпуске «Русской Поэзии» статьи А. С. Пушкина и Н. А. Радищева об А. Н. Радищеве и тут же—несколько произведений последнего, в том числе оду «Вольность», но с пропуском 12 строк. Сполна перепечатал текст «Путешествия» А. Е. Бурцев в своем «Дополнительном описании библиографически-редких, художественно-замечательных книг и драгоценных рукописей» (СПБ., 1899, стр. 25—247). В последний раз уничтожено было 26 июня 1903 г. издание «Путешествия», напечатанное П. А. Картавовым (1902) в числе 2900 экземпляров. Через два года вышло научное издание «Путешествия» под ред. Н. П. Павлова-Сильванского и П. Е. Щеголева, а в следующем году (кроме двух названных выше перепечаток издания Герцена) вышло три издания: 1) Ефимова, под ред. Д. И. Уманского, 2) Глазунова, под ред. А. Н. Чудинова, и 3) Суворина (стереотип.). Тогда же издательство «Сириус» напечатало полный текст оды «Воль-

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ТРАКТАТА
„ШУРБА ФИЛОСОФОВЪ“ ИЗ „ГЕРМЕТИЧЕСКОЙ
БИБЛИОТЕКИ“
Текст рукой Н. И. Новикова
Публичная Библиотека, Ленинград

ность». К 1907 г. относятся два «полных» собрания сочинений Радищева (каждое в двух томах): Акинфиева (СПБ., под ред. А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева) и Саблина (М., под ред. В. В. Каллаша), а также первый том (из напечатанных трех) С. Н. Троицкого. В 1921 г. В. Л. Бурцев напечатал в Париже перевод «Путешествия» на «язык нашего времени», а в 1928 г. в Лейпциге вышел перевод А. Лютера на немецкий язык.

Царская цензура XIX—XX вв. твердо держалась на почве указа 4 сентября 1790 г. и даже превосходила его в строгости к столь вредному, на ее взгляд, писателю, как А. Н. Радищев, и видела в нем потрясателя всех основ общества, разрушителя церкви и государства. Когда возникло «дело» П. А. Ефремова (1872), во главе цензурного ведомства стоял М. Н. Лонгинов, выдающийся библиофил и библиограф, автор многочисленных и ценных разысканий по истории русской литературы именно XVIII в., наконец автор исследования («Новиков и московские мартинисты», М., 1867), без которого нельзя обойтись при изучении русского масонства и в наши дни; тем не менее при нем состоялись и утверждены были доклады о Радищеве, в которых подвергнуты суровой критике не только «Путешествие», но и все его остальные сочинения. «Путешествие» он считает книгой, «появление которой было не только какой-то безумной отвагой, но и делом ничем не объяснимым со стороны автора, лично известного императрице». Гнев Екатерины, «не ожидавшей желчных обвинений на существующий порядок вещей, особенно в царствование, исполненное кротости и милосердия к народу», он считает вполне справедливым. «Радищев,—говорит он,—преданный размышлениям, внушенным ему чтением современных правоведов и публицистов, особенно французских, пришел повидимому в отчаяние от неизбежных во всяком обществе людей недостатков и несправедливостей. Такое направление ума заставило его преувеличивать себе эти уклонения от вечных законов правды и он решился на несвоевременный и опасный протест». Осуждение Радищева Лонгинов признает «необходимым следствием издания возмутительной книги и притом с подделкою против текста, пропу-

щенного легкою тогдашнею ценсурою управы благочиния». «Читавший «Путешествие» Радищева,—говорит он,—конечно согласится, что страницы, подобные знаменитому сну, описанному в главе «Подберезье», не остались бы без преследования ни под каким правительством» (Лонгинов, «Новиков», стр. 302.—Сочинения, т. I, стр. 100—101, 366—367).

Иное отношение проявил Лонгинов к Новикову; в разных местах своего исследования он выражает глубокое сочувствие этому борцу за веру, царя и отечество, обличителю материалистов и атеистов. Поставив своей задачей «оправдать» Новикова, он считает приговор императрицы печальным недоразумением: встревоженная вестями о Французской революции и убийстве шведского короля, она обрушилась на мартинистов и смешала Новикова с Радищевым. Лонгинов отрицает политические замыслы розенкрейцеров и не видит ничего опасного для Екатерины в сношениях масонов с цесаревичем Павлом. Вопрос об издательской деятельности Новикова и о русском масонстве XVIII в. и первой четверти XIX в. требует пересмотра, но не за тем разумеется, чтобы «равнеча» Новикова, оправдать и восславить Екатерину и Потемкина.

Хотя Новикову посвящено не меньше книг и статей, чем Радищеву, но литературные труды его не вполне выяснены и не собраны. Несколько раз перепечатаны сатирические журналы (всего лучше П. А. Ефремовым; им же перепечатан в его «Материалах для истории русской литературы» «Опыт словаря о российских писателях». СПб., 1867); но из них не выделены статьи, принадлежащие именно Новикову. Вполне справедливо замечание Г. В. Вернадского, что «предисловия Новикова к историческим изданиям важны для понимания как историко-философских его взглядов, так и его отношения к источникам и критике их» («Н. И. Новиков». П., 1918, стр. 144). Им же дан впервые перечень печатных произведений, которые с полной уверенностью могут быть приписаны Новикову. Здесь отсутствуют однако педагогические статьи из Прибавлений к «Московским Ведомостям» 1783 (там же, стр. 144—148).

Значительный интерес для биографии Н. И. Новикова и для истории русского масонства представляет «Библиотека, содержащая в себе некоторые герметические, каббалистические, магические и иные книги, также писания высокохвальных брр. Златорозового креста, истинных свободных каменщиков древняя системы на русском языке, составленная и собранная из разных переводов для пользы тех, кои пожелают упражняться в познании бога, натуры и себя, и для показания им, между многими ложными, одного истинного к тому пути». Библиотека эта задумана была Новиковым вместе с его другом С. И. Гамалелей, и выполнена ими в 43 рукописных томах в селе Тихвинском, родовом поместье Новикова, где он жил почти безвыездно, по освобождении из тюрьмы в Шлиссельбурге. Первые два—три десятка томов переписаны чрезвычайно тщательно, на хорошей бумаге, с рамкой на каждой странице, украшены рисунками и заставками и переплетены в зеленый сафьян. На обороте входного листа обычно повторяется цитата из Евг[ения] Филал[ета]: «Покажите мне науку, которая была бы совершенным и неподделанным отпечатком творения, которая могла бы вести меня прямым путем к познанию истинного бога, чрез которую мог бы я исследовать всеобщие и невидимые сущности, ему подвластные!—науку, которая ни в чем не подвержена злу! науку, чрез которую могу я верно прийти к познанию всех тайн, в натуре скрытых! Такова есть та наука, в которой физика Адама и всех патриархов состояла и которая ему была открыта». Из 43 томов 37 хранятся в Публичной Б-ке в Ленинграде, 6—в Б-ке имени В. И. Ленина в Москве; первый относится к 1806 году, последний—к 1818-му; об этом труде часто идет речь в письмах Н. И. Новикова из Тихвинского.

Литература о Радищеве и Новикове чрезвычайно велика. Для первого лучшим указателем служит превосходная работа Р. С. Мандельштам «Библиография Радищева» (под редакцией Н. К. Пиксанова), помещенная в «Вестнике Коммунистической Академии» (1925, т. XVIII, стр. 282—301; т. XIV, стр. 312—334; т. XV, стр. 339—352; всего 54 стр.). Основные сочинения, посвященные Н. И. Новикову, отмечены Г. В. Вернадским («Н. И. Новиков», стр. 159—162).

Хотя пути Новикова и Радищева расходились, но связь между ними была и останется навсегда неразрывной.

Условные сокращения: А. В.—Архив Воронцова. Арх. Гос. Сов.—Архив Государственного Совета. В. Е.—Вестник Европы. И. В.—Исторический Вестник. П. С. З.—Полное Собрание Законов. Р. А.—Русский Архив. Р. С.—Русская Старина. Сб. II отд. Ак. Н.—Сборник II отделения Академии Наук. Сб. Р. И. О.—Сборник Русского Исторического Общества. Чтения О. И. и Д. Р.—Чтения Общества истории и древностей российских.